

ОБРАЗ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ГЕОРГИЯ КОНИССКОГО

Фигура прославленного русского князя, защитника Отечества Александра Невского получила образное воплощение в ораторской прозе Георгия Конисского, а именно в «Слове на день святого благоверного князя Александра Невского», произнесенном белорусским просветителем 31 августа (по старому стилю) 1786 года. Эпиграфом к Слову Конисский взял фразу из Евангелия от Матфея: «Иже сотворит и научит, сей велий наречется в Царствии Небесном» [Матф. 5, 19].

В контексте библейского повествования указанная фраза является частью поучения Иисуса Христа при произнесении прославленной нагорной проповеди, в которой им были даны новозаветные заповеди блаженства. Высказывание касается необходимости соблюдения древнего нравственного закона, данного Моисею в десятословии, исполнять, а не нарушать который явился на землю Иисус: «Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков; не нарушить пришел Я, но исполнить. Ибо истинно говорю вам: доколе не прейдет небо и земля, ни одна иота или ни одна черта не прейдет из закона, пока не исполнится все. Итак, кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в Царстве Небесном; а кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном» [Матф. 5, 17–19].

Образное повествование о человеческих достоинствах, позволяющих войти в Царствие Небесное, Георгий начинает с размышления о природе «небесного гражданства» как особенного качества духовного существования личности, когда упраздняется «всякое начальство и всякая власть и сила», т.е. земные, внешние приметы благородства и принадлежности к привилегированному сословию, но будет присутствовать, по словам «описателя гражданства небесного» апостола Павла, только Бог – «всяческая во всех» («будет Бог все во всем»). Конкретное время соединения с Богом в этом особенном качестве не имеет принципиального значения, если человек успеет привиться к нетварному духу до начала суда – важен результат. Не случайно, говоря о таком единстве, Конисский вспоминает притчу Христа, в которой Царствие Небесное сравнивается с динарием, одинаково дающимся крестьянам, работавшим в винограднике и целый день с утра до вечера, и пришедшим в конце дня. С высокой степенью эмоциональности Конисский восклицает: «Толь сладкое гражданство, толь

легкое крестьянство, которое уготова Бог на небеси избранным Своим!» [1, с. 206]. Однако при этом он делает существенную оговорку, что при всем равенстве блаженного состояния, где Бог – «и царь», «и князь», «и брат», «и друг», а его «граждане» – «и крестьяне», «и цари», «и князья», «и сынове», «и сонаследники», – по утверждению проповедника, «слава гражданам небесным не равна будет». Раскрывая суть этой богословской тайны, Конисский вслед за апостолом Павлом сравнивает духовно просветленных людей со звездами, по-разному светящими на небосклоне: «сей избранный Божий просветится, как солнце, другой просияет, как луна, иные сверкнут, яко же звезды, и от сих одни больше, другие поменьше, как и звезды одна другой светлейшая ест...» [1, с. 207].

День произнесения Слова – память святого и благоверного великого князя Российского Александра, прозванного Невским, – дает повод Конисскому из большого числа достойных Царствия Небесного людей и духовного звания, и мирского избрать фигуры властьпридержащих, которые при жизни не только сами соблюдают благочестие, но и подают тем самым пример подчиненным, даже не поучая народ изустно. Причиной тому становится известная тяга подчиненных к подражанию своему господину, которая часто проявляется в дурном отношении, но может проявляться и в хорошем. Сокрушаясь о нелепом и постыдном пресмыкательстве перед властелином, Георгий откровенно приводит характерные примеры из жизни, саркастически резко заостряя их до нелепости: «нападет кашель на властелина, – говорит он, – безстыдно начинают кашлять и потадчики его; охромает властелин, принимаются за костыли и ласкатели его; потеряет око властелин, залепляют и здоровое око похлебцы. До сего доводит мерзкое лицемерство и ласкательство!» [1, с. 207]. Но парадоксальность жизни такова, что эта неизбывная тяга к пресмыкательству способна оборачиваться и почвой для нравственного роста, если господин подает примеры не дурные, а хорошие – «по примеру де царей располагает себя целый свет» [1, с. 207].

По принципу образной антитезы, предлагая слушателям приложить «чорное к белому», Конисский строит повествование о достойных и негодных правителях в светском и духовном звании состоящих. Если градоначальник благочестив, утверждает Георгий, то злодеяния бегут из города прочь, «боящися и стыдящися добродетели его больше, чем кнута и всякаго позорища безчестнаго» [Там же]. Это же касается всех начальствующих, будь то полководец, игумен в монастыре или священник на приходе. Если он сам переменится по примеру Христа, то даже не будучи богословом, не сокрушаясь о тяжелых временах, делающих людей злыми и бессовестными, сможет с уверенностью ска-

зять: «подобни мне бывайте, яко же аз Христу» [1 Кор. 4. 16], – и поэтому увидит прихожан «отменными» (Георгий находит здесь определение с двояким смыслом, соединяющим характеристики отличительности и превосходности) от прочих, т.е. не пьяницами, не ленивцами, не плутами.

Напротив, бесовственный господин, «безчинник и лихоимец», ни за что не сможет удержать по долгу службы людей от тех пороков, в которых сам погряз «по уши». Даже если он начнет кричать (Конисский использует глагол «греть», ассоциирующийся с небесным громом, т.е. устрашающей карой), то злодеи ему «тихонько скажут» библейское слово: «врачу, исцелися сам». Точно так же негодный полководец превращает свое войско в разбойничью шайку, игумен монахов – в пьяниц и ленивцев, священник прихожан – в пораженных смертоносной язвой греха калек. Вслед за Иоанном Златоустом Георгий использует универсальную символику, сравнивает людей с листьями на дереве, а пастыря – с корнем, питающим их. Поэтому, если кто видит засыхающие листья без внешней на то причины, тот должен понимать, что причина в корне, т.е. в пастыреначальнике.

Проповедник заключает, что именно властьпридержащие, «как духовные, так и мирские, первейшие и главнейшие учителя суть или добру или злу». Их «катедра» столь же высока, как власть, а голос столь же громок, как имя. И поэтому даже при том, что они не проповедают открыто, благодаря своему авторитету имеют больше слушателей и подражателей, нежели «красноречивейший проповедник». На основании этих рассуждений Конисский делает вывод об иерархичности не только земной, но и загробной жизни во всех ее проявлениях – небесном и адовом. Находящиеся в силе на земле таким образом пребывают в ответственнойшем состоянии, поскольку с них по особенному будет спрашиваться на суде не только за личные поступки, но и за несение ответственности за людей. Для подтверждения своих рассуждений Конисский сначала обращается к авторитету древнего мудреца Соломона и цитирует из 6 главы Ветхозаветной Премудрости о жесточайшем суде над «преимущими» [См. Прем. Сол. 6. 1–8], а затем приводит слова самого Спасителя о тех, кому много дается и с кого много спрашивается [См. Лук. 12. 48].

Вслед за общими богословскими рассуждениями Конисский, по своему обыкновению, обращается к жизненной конкретике, чтобы сделать христианские истины осязаемыми для слушателей. В качестве яркого примера достойного во всех отношениях правителя, сообразно с календарным днем, просветитель избирает фигуру великого князя Александра. Описание его благоверной жизни он начинает с личных достоинств Невского. Опираясь на свидетельства о нем житий-

ной литературы, проповедник воссоздает портрет князя. Как и в жизни, внешнему облику героя присуща идеализация: он «был возрастом высок, лицом благолепен, яко же вторый Иосиф, силами крепок, умом благоразсуден и всеми природными тела и души совершенствами богато одарен». Однако при всей намеренной идеализации героя Конисский вдруг антитетично, но обоснованно утверждает, что названные телесные, природные достоинства ровным счетом ничего не значат, поскольку для получения «болярства», т.е. высшего положения в Царстве Небесном, они должны быть соединены «с совершенствами христианских добродетелей», которые приобретаются хотя и с Божьей помощью, но собственным подвигом.

Приобретенные не поневоле добродетели имеют, по мнению Георгия, особенную ценность. Не «великой цены», считает Конисский, «целомудрие в старом человеке», «воздержание в немощном, в нищем удалении от роскоши, в подчиненном кротости и смирение, в отшельнике нестяжание и нищета» – все те добродетели, которые «по большей части неволею ведутся» [1, с. 209]. И совсем другую ценность имеет целомудрие в молодости, простота в богатстве, кротость во власти, подобная кротости самого Христа – Бога, принявшего для спасения рода человеческого на себя образ смиренного раба. Александр, по словам Георгия, будучи великим князем Российским и располагая всею страной, свое положение употреблял не для личной, а для общей пользы и Божьей славы. Конисский убежден, что перед этим великим делом «все отшельники, хотя бы и наибольшия имения в мире оставили, должны молчать» [1, с. 210]. Именно в Александре проповедник находит яркий пример редкостного соединения целомудрия с цветом юности и красотою лица, воздержания – с царской роскошью, кротости – с верховной властью. Достоинства Невского Конисский сравнивает со «светильником пресветлым» на высоком подсвечнике, дела его называет «градом преславным», величественно поставленным на вершине горы, а благочестие именуется гремющей «трубой всегласной». Именно поэтому Александра «слушались, не сумнюся, – заключает Георгий, – все подчиненные и добрые и злые, добрые за любовь и совесть, злые за стыд и страх...» [1, с. 210].

Самоотверженность в служении Отечеству стала главным достоинством Невского, возвысившим его в глазах современников и потомков. Готовность положить жизнь свою за «блаженство подданных своих» заставила князя вести войну с кочевниками, со «Свеями», как называет их Георгий. Подобно былинным героям, Александр преступает «букву закона», чтобы служить «духу закона»: его ратные подвиги освящает высшая гуманистическая цель – защита человека. «Что укрепило руку его разить мечем лицо сопротивника своего, короля

Свейскаго и все воинство его рассыпать, – риторически спрашивает Георгий, – аще не месть праведная за разорение неповинное народа своего?» [1, с. 211]. Благородство дела Александра оттеняется и его родственной связью со святыми мучениками князьями Борисом и Глебом, которые «спешили... ему помочь», ибо мученическая помощь, по мнению Конисского, «инако не бывает, разве кто сроден им не только кровию, но и добродетелию» [1, с. 211].

Говоря о собственно христианских достоинствах Александра, Конисский воспроизводит исторические обстоятельства, в которых пришлось жить Невскому и другим русским князьям. В период татаро-монгольского ига многие из них призывались в Орду и под страхом мечей, огня, виселиц и сдирания кожи склонялись к отречению от Христа и поклонению языческим богам, «чучелам», как называет их проповедник. При этом далеко не все выдерживали испытание и ценою жизни вечной приобретали себе некоторое время жизни земной, «и избавившись от тиран, тиранку совесть свою везде с собою обносили» [1, с. 211].

Александру судьбою было уготовано трижды (здесь в его жизни просматривается высшая магия числа три) побывать в Орде, т.е. фактически пройти «через огонь», увидеть и насиле над русскими князьями, и их мучительные казни. Только мудрость и твердость духа позволили ему не только сохранить собственное христианское достоинство, но и утвердить в вере Русь, которая в эти тяжкие времена татарского ига, по словам Конисского, колебалась в благочестии христианском. Так Александр выступил не только князем-защитником, но и великим учителем, пример которого светит в веках.

Таким образом, Георгий Конисский выводит «твердое и ничем не опровергаемое заключение», что Александр отмечен величием и на небе, как на земле, столь увенчан высшей славой, сколь утвердил людей в вере и благочестии. И так, восславив Александра, просветитель обращается с призывом ко всем сыновьям Российским последовать примеру Александра и на земле, и на небе, стремится удаляться от соблазнов, не быть соблазнами для других, а помимо этого попытаться также стать образцами веры и благочестия для ближних. Особенно Георгий призывает к этому представителей власти и пастырей, могущих быть «болярами» на небе, а не «во аде».

Именно таким патетическим молитвенным призывом по своему обыкновению Георгий завершает большинство слов. Логически обращением к россиянам фактически завершается основное содержание и данного Слова об Александре. Однако день памяти князя явился и днем тезоименитства, т.е. крещения наследника русского императорского престола великого князя Александра Павловича. В связи с этим

значимым событием на столь же высокой ноте финала проповеди Конисский выстраивает протяженную риторическую тираду о надеждах, возлагаемых на монаршего первенца, о Божьем покровительстве будущему императору «успевать возрастом, премудростию и благодатию», дабы быть подобным своему небесному покровителю «твердостью веры, примером благочестия, крепостию здравия и славою дел бессмертных» [1, с. 212].

Таким образом, в Слове Георгия Конисского создается не только иконографически яркий и многокрасочный образ святого князя Александра Невского, но и воспроизводится православная русская философия истории, наиболее значимыми основаниями которой выступают идеи христианского благочестия, богодухновенности власти как высшей ответственности, готовности принести личное благополучие и самую жизнь в жертву народу и Отечеству, собственно благодаря которой Русь и выстояла в горниле минувших столетий.

Литература:

1. Слова и речи Георгия Конисского, Архиепископа Могилевского. – Могилев-на-Днепре: Скоропечатня и литография Я.Н. Подземского, 1892. – 470 с.